Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (19), 2022.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+2-1
ББК 87+83.3(2=411.2).5+84.7
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-147-158
https://elibrary.ru/FHRUME

© 2022. Нина Ищенко
Луганский государственный педагогический университет
Луганск, ЛНР

Студент, право имеющий: коллективный анти-Раскольников в «Тайной истории» Донны Тартт

© 2022. Nina Ishchenko
Lugansk State Pedagogical University
Lugansk, LPR

A Student that Has the Right: The Collective Anti-Raskolnikov in Donna Tartt's *The Secret History*

Информация об авторе: Нина Сергеевна Ищенко, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Луганский государственный педагогический университет, ул. Оборонная, д. 2, 91011 г. Луганск, ЛНР.
https://orcid.org/0000-0001-8616-7087
E-mail: ninaofter@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется влияние Достоевского в романе Д. Тартт «Тайная история». Автор показывает, как инвертируются основные сюжетные коллизии «Преступления и наказания» в книге американской писательницы. Персонаж книги — коллективный антагонист Раскольникова, признающий за собой право на убийство. Сверхчеловек изображен в романе как безупречный рационалист Майкрофт Холмс. Духовная сила, ведущая героев Тартт по пути превращения в сверхчеловека, — это языческий бог Дионис, причащаясь которому, студенты идут на убийство. В романе показано саморазрушение убийцы, отказавшегося видеть человека в своей жертве.

Авторский голос в романе оформлен в поэтике Достоевского, с помощью приема странной фразы, без причины произнесенной героем. Происходит это при встрече на поминках с семьей убитого студента. В этот момент в голове рассказчика сама собой всплывает фраза: «Это я убил тогда старуху-чиновницу

и сестру ее Лизавету топором и ограбил». Эта фраза Раскольникова — краткий конспект сюжета «Преступления и наказания». В романе Донны Тартт эта фраза выражает авторскую позицию, авторское объяснение того, что происходит в книге: другие персонажи в другом мире повторяют судьбу Раскольникова, и автор показывает, к чему это приводит.

Раскольникову удалось спастись, обратившись к Христу и приняв свою человеческую природу. Сверхчеловеку Донны Тартт спастись не удалось, потому что вместо Христа он общался с Дионисом. Причащаясь Дионису в древнем ритуале омофагии, студенты идут на убийство. В романе показано саморазрушение всех пятерых убийц, отказавшихся видеть человека в своей жертве: самоубийство (Генри), попытка самоубийства (Френсис), алкоголь и наркотики вплоть до полной десоциализации (Чарльз), самонаказание в виде отказа от радостей жизни и общения с людьми (Камилла), одиночество (Ричард). Таким образом, Донна Тартт доказывает от противного ту же идею, которую высказал Достоевский в своем православном романе: каждая жизнь бесценна, убийство разрушает человека и мир.

Ключевые слова: Федор Достоевский, Донна Тартт, «Тайная история», «Преступление и наказание», русская литература, православие, Дионис, сверхчеловек, Ницше, античная трагедия, христианство.

Для цитирования: *Ищенко Н.С.* Студент, право имеющий: коллективный анти-Раскольников в «Тайной истории» Донны Тартт // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19). С. 147–158. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-147-158

Information about the authors: Nina S. Ishchenko, PhD in Philosophy, Lugansk State Pedagogical University, Oboronnaya 2, 91011 Lugansk, LPR.

https://orcid.org/0000-0001-8616-7087

E-mail: ninaofter@yandex.ru

Abstract: The paper focuses on Dostoevsky's influence in D. Tartt's novel *The Secret History*. The author shows how the main plot collisions of *Crime and Punishment* are inverted in the book of the American writer. The character of the book is the collective antagonist of Raskolnikov who recognizes the right to kill. The Übermensch is portrayed in the novel as the impeccable rationalist Mycroft Holmes. The spiritual force that guides Tartt's characters on the path of transformation into an Übermensch is the pagan god Dionysus, to whom the students go to kill. The novel shows the self-destruction of a murderer who refused to see a person in his victim.

The author's voice in the novel is designed on the model of Dostoevsky's poetics, using the reception of strange phrases uttered by the hero for no reason, as it happens during the wake with the family of a murdered student. At this moment, a phrase pops up in Richard's head by itself: "It was I who killed the old woman and her sister Lizaveta with an axe and robbed her". This phrase of Raskolnikov is a brief synopsis of the plot of *Crime and Punishment*. In Donna Tartt's novel, this phrase expresses the author's position, the author's explanation of what is happening in the book: other characters in another world repeat Raskolnikov's fate, and the author shows what this leads to.

Raskolnikov managed to escape by converting to Christ and accepting his human nature. Donna Tartt's Übermensch could not be saved, because instead of Christ he communicated with Dionysus. Taking communion with Dionysus in the ancient ritual of homophagy, students go to murder. The novel shows the self-destruction of all five murderers who refused to see a person in their victim: suicide (Henry), suicide attempt (Francis), alcohol and drugs up to complete desocialization (Charles), self-punishment in the form of rejection of the joys of life and communication with people (Camilla), loneliness (Richard). Thus, Donna Tartt proves from the opposite the same idea that Dostoevsky expressed in his Orthodox novel: every life is priceless, murder destroys people and the world.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, Donna Tartt, *The Secret History*, *Crime and Punishment*, Russian literature, orthodoxy, Dionysus, Übermensch, Nietzsche, ancient tragedy, Christianity.

For citation: Ishchenko, N.S. "A Student that Has the Right: The Collective Anti-Raskolnikov in Donna Tartt's *The Secret History*." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (19), 2022, pp. 147–158. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-147-158

Роман американской писательницы Донны Тартт «Тайная история» [Tartt, 1992] вышел в 1992 году и сразу стал бестселлером, завоевав популярность у читателей и исследователей. «Тайная история» — это университетский детектив, написанный с точки зрения убийцы. С первых страниц читатель узнает, кто и кем убит, а вся книга посвящена объяснению этого поступка и изображению его последствий. Роман представляет собой интертекстуальное произведение, отсылающее к целому ряду источников, наиболее важными из которых являются античные трагедии, работы Ницше и романы Достоевского. Проанализируем эти отсылки для прояснения идейного содержания произведения.

По сюжету романа группа студентов-античников изучает древнегреческий язык и культуру в Хэмпденском колледже под руководством гениального ученого Джулиана Морроу. В группе всего шесть человек, они работают только с одним преподавателем, Морроу, и под его водительством глубоко погружаются в античность. Студенты не только изучают древнегреческий и читают античных авторов в оригинале, но и под влиянием своего преподавателя пытаются повторить дионисийскую мистерию, войти в вакхический экстаз с помощью древних оргиастических практик: самоистязание, одурманивание сознания вином и наркотиками, сексуальные оргии. Когда им наконец-то это удается, в ходе мистерии они случайно

убивают человека, местного фермера. Чтобы скрыть это убийство, совершенное бессознательно, студенты сознательно планируют и осуществляют убийство своего одногруппника, который не участвовал в мистерии, но догадался о происшедшем. Именно это второе убийство в центре повествования в романе Донны Тартт. Юридического наказания студентам удается избежать, но писательница показывает саморазрушение персонажей в мире, сломанном в своей сути в результате их поступка.

«Тайная история» обратила на себя внимание исследователей, и роману посвящено несколько научных статей, авторы которых отмечают влияние античной трагедии, Достоевского и Ницше. Так, О.Ю. Анцыферова показывает, что сюжетообразующей парадигмой для «Тайной истории» выступает пьеса «Царь Эдип» Софокла, где фабула выстроена ретроспективно, а действие начинается с попытки найти виновного в убийстве, совершенном много лет назад [Анцыферова, 2015, с. 23]. Этот сюжетный ход не раз использовался и в детективной литературе нашего времени, однако в контексте погруженности в античную культуру должен, безусловно, восприниматься как отсылка к известнейшей античной пьесе.

Близка античной трагедии и повествовательная стратегия романа, поскольку рассказчик, Ричард Пейпен занимает позицию остранения, уподобляясь партиям хора в греческой трагедии [Шалимова, 2021, с. 345]. Влияние Достоевского, которое нас интересует в наибольшей степени, отмечает Э.И. Назирова, демонстрирующая, что «Преступление и наказание» является прецедентным текстом для писательницы, поскольку темой обоих произведений является преднамеренное убийство из философско-религиозных соображений, а также духовное наказание, постигающее преступника [Назирова, 2016].

Ницшеанские идеи высказывает преподаватель Джулиан Морроу, который рассуждает о важности дионисийского начала в культуре и приводит своих студентов к мысли об абсолютной свободе и о воссоздании таким путем ницшеанского сверхчеловека [Ишимбаева, 2016, с. 78–80]. Не оспаривая этих выводов, хотелось бы дополнить их следующими замечаниями.

Сходство «Тайной истории» с романом «Преступление и наказание» Достоевского гораздо больше, чем отмечено до сих пор. Оно основано не только на общей теме, которая так или иначе затрагивается в любом детективном произведении, но и на развитии

сюжета как антитезиса сюжету «Преступления и наказания», а также на оформлении авторского голоса в романе в поэтике Достоевского. Предлагаем читателю обоснование этого тезиса, рассмотрев идеологические и формальные инверсии топосов «Преступления и наказания» в романе американской писательницы.

В романе Достоевского студент Раскольников задается вопросом о праве на убийство: «Тварь ли я дрожащая или *право* имею…» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322]. После убийства старухи-чиновницы он понимает, что сама постановка вопроса показывает, что он не относится к сверхлюдям, имеющим право на убийство, у него есть совесть, которая не замолкает, несмотря на рациональные доводы. Признание своей вины становится для Раскольникова началом долгого и мучительного перерождения, в результате которого отвергнутая разумом идея о ценности любой человеческой жизни и единстве с другими людьми становится его внутренним чувством.

В течение всего романа и даже в начале эпилога Раскольников все еще не понимает на рациональном уровне и не ощущает эмоционально, что он виноват: «А что же? Он стыдился даже и пред Соней, которую мучил за это своим презрительным и грубым обращением. Но не бритой головы и кандалов он стыдился: его гордость сильно была уязвлена; он и заболел от уязвленной гордости. О, как бы счастлив он был, если бы мог сам обвинить себя! Он бы снес тогда всё, даже стыд и позор. Но он строго судил себя, и ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем, кроме разве простого *промаху*, который со всяким мог случиться. Он стыдился именно того, что он, Раскольников, погиб так слепо, безнадежно, глухо и глупо, по какому-то приговору слепой судьбы, и должен смириться и покориться пред “бессмыслицей” какого-то приговора, если хочет сколько-нибудь успокоить себя» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 417].

Однако после болезни Сони, когда Раскольников осознал и почувствовал, насколько она ему дорога, изменилось и его отношение к жизни, и общение с другими людьми: «В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговаривал с ними, и ему отвечали ласково. Он припомнил теперь это, но ведь так и должно было быть: разве не должно теперь все измениться?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 422].

Так через любовь к одному конкретному человеку Раскольников приобщился к общности людей. Он теперь переживает на собственном опыте, что убийство разрушает душу убийцы и ломает самые основы универсума. Заповедь «Не убий» записана в онтологической структуре мироздания. Современные исследователи видят важную заслугу Ф.М. Достоевского в изображении сакральной основы таких общественных ценностей как любовь, семья, ценность человеческой жизни [Качеев, 2021]. Роман заканчивается там, где Раскольников начинает свой путь по новой дороге, где христианская идея о братстве всех людей и бесценности человеческой жизни позволит восстановить поврежденное мироздание и возродиться к новой жизни.

Инверсию буквально каждого из этих мотивов мы видим в романе Донны Тартт. Ее герои также студенты, что является еще одним сходством с произведением Достоевского. Однако эти студенты не задаются вопросом, имеют ли они право на убийство, они заранее и полностью уверены, что уж они-то конечно право имеют. Убийство фермера не заставляет их ужаснуться и внутренне отшатнуться от содеянного, они просто ищут способ замести следы, полагая, что их ум, образованность, принадлежность к интеллектуальной элите дает им право переступать через общепринятые нормы. Перед нами коллективный антигерой Раскольникова — студент, право имеющий.

Этому коллективному антигерою удается то, что не удалось Раскольникову: он не просто удачно совершает убийство, он еще и избегает разоблачения и признания вины. Порфирия Петровича в американском романе нет, студентам удается спрятать концы в воду, они остаются безнаказанными, на них даже не падает подозрение. Однако в результате все персонажи становятся на путь саморазрушения, ни одному из них не удается наладить нормальные отношения с людьми и встроить свою жизнь в структуру мироздания. Каждый из персонажей тем или иным способом уничтожает себя: самоубийство (Генри), попытка самоубийства (Френсис), алкоголь и наркотики вплоть до полной десоциализации (Чарльз), самонаказание в виде отказа от радостей жизни и общения с людьми (Камилла), одиночество (Ричард). Таким образом, Донна Тартт доказывает от противного ту же идею, которую высказал Достоевский в своем православном романе: каждая жизнь бесценна, убийство разрушает человека и мир.

Помимо инвертированного сюжета, идейное влияние Достоевского сказывается в оформлении авторского голоса в романе. Исто-

рия рассказана от имени студента Ричарда Пейпена, все персонажи даются с точки зрения этого репортера. Автор, сама Донна Тартт, появляется в романе на метауровне — ей принадлежит название и эпиграфы, причем первый эпиграф взят из Ницше, что указывает нам на источник идеи о сверхчеловеке в романе. Но есть еще один момент, когда в герметичный мир романа проникает голос автора, и это делается тем способом, который практиковал Достоевский.

Как указывает исследовательница творчеств Достоевского Татьяна Касаткина, «в произведениях Достоевского самые ключевые, с точки зрения определения авторской позиции, места текста будут обозначаться словами “сказал непонятно зачем”, “почему-то сказал” и т.п., за которыми как раз и следуют слова, не имеющие ни причины, ни цели в дискурсе и потому всецело переводящие нас в область, в которой существует авторская позиция» [Касаткина, 2015, с. 152].

В романе Донны Тартт тоже есть такой момент, когда рассказчик Ричард Пейпен мысленно произносит слова непонятно зачем, непонятно почему, никак не связанные с верхним слоем событий. Происходит это на поминках при встрече с семьей убитого студента. В этот момент в голове Ричарда сама собой всплывает фраза: «Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором и ограбил». Эта фраза Раскольникова — краткий конспект сюжета «Преступления и наказания». В романе Донны Тартт эта фраза выражает авторскую позицию, авторское объяснение того, что происходит в книге: другие персонажи в другом мире повторяют судьбу Раскольникова, и автор показывает, к чему это приводит.

Раскольников по сути задавался вопросом, сверхчеловек ли он. Сверхчеловек — базовая категория философии Ницше. Сходство идей Ницше и некоторых персонажей Достоевского было замечено еще в начале XX века, в период первой популярности Ницше в России. Лев Шестов исследовал идею сверхчеловека в творчестве русского писателя и немецкого философа в своей книге «Апофеоз беспочвенности» [Шестов, 2016]. Современные исследовали также подчеркивают влияние идей Достоевского на философию Ницше [Белогорцев, 2016]. Сверхчеловек Ницше — повторяющийся персонаж Достоевского (Кириллов и Ставрогин в «Бесах», Раскольников в «Преступлении и наказании», Ипполит в «Идиоте»). Но если у Ницше сверхчеловек — это цель и задача, к которой нужно стремиться, Достоевский достоверно и обоснованно показывает его духовное крушение, причем страшной ценой. Выходя за рамки

человеческого, такие персонажи уничтожают себя и других, физически или морально. Раскольникову удалось спастись, обратившись к Христу и приняв свою человеческую природу. Сверхчеловеку Донны Тартт спастись не удалось, потому что вместо Христа он общался с Дионисом. Рассмотрим эту сюжетную линию подробней.

Ницше в романе Донны Тартт появляется на уровне метатекста (в эпиграфе) и в идеях преподавателя Джулиана Морроу, воспевающего дионисийский экстаз. Сверхчеловек как персонаж имеет у писательницы другой прообраз: это Шерлок Холмс. Главный герой произведения Генри описывается так, как Конан Дойль описывает Холмса: высокий, чуть сутулый, невероятной силы, с железной хваткой, имеющий явные дедуктивные способности и мощный аналитический ум. Донна Тартт даже прямо сравнивает Генри с Холмсом, правда, не с Шерлоком, а с Майкрофтом, что оправдано по сюжету. Шерлок у Конан Дойля не раз говорит, что брат Майкрофт превосходит его как мыслитель, но совершенно не интересуется карьерой и проводит время на покое в клубе «Диоген». Отсылка к античности тут как раз уместна, потому что Генри тоже не интересуется карьерой, не стремится получить диплом, а делает то, что ему нравится: учит древние языки для собственного удовольствия и интеллектуального роста. В рассказе «Конец Чарльза Огастеса Милвертона» Шерлок Холмс говорит, что если бы он, с его аналитическим умом, решил совершить преступление, никто не смог бы его поймать. В романе Донны Тартт этот сюжет реализуется: великий аналитик, более талантливый чем сам Шерлок, совершает преступление, и никто не может его поймать. Однако это происходит в христианском мире Достоевского, и история заканчивается внутренней катастрофой.

Раскольников смог внутренне переродиться, обратившись к Христу. В романе Донны Тартт божество, с которым общаются студенты, — это Дионис. Дионис, бог вина, вдохновитель экстатического оргиазма, являлся древним грекам в разных обличиях, в его культе слилось почитание разных героев и демонов, вдохновляющих на буйство и заставляющих терять разум. В дионисийской религии выход за пределы не только разума, но и тела проявляется в ритуалах, связанных с разрыванием бога на части. Одна из важнейших ипостасей Диониса — младенец, раздираемый на части титанами и поедаемый живьем. Титаны совершили преступление, убив божественного младенца Диониса, но в результате он оказался внутри их тел, и титаны обрели божественные свойства, причасти-

лись бессмертию. В древности ритуал пожирания божества был залогом возрождения и возвращения на землю. Как оживает после зимы виноградная лоза, так оживет каждый причастный Дионису. Это самое главное известное грекам причастие божественной плоти и божественной силы. Таким образом, омофагия, то есть священное поедание растерзанной жертвы, была в древности религиозным обрядом из дионисова круга ритуалов [Иванов, 1994, с. 19–20, 33, 45].

Убив и разодрав на части человека, студенты приобщились к божеству в той древней архаичной форме, которую восхвалял их учитель Джулиан Морроу, соблазнивший их на этот поступок. После такого приобщения к божеству каждый участник ритуала стал сверхчеловеком, которому все дозволено. В своем романе американская писательница наглядно показывает ложность этого пути. Выход за пределы человеческой природы в дионисийской мистерии осуществляется путем убийства человека, разрывания его на части и поедания. Таким образом, в дионисийском ритуале человек низводится до пищи, телесного предмета, ценность его жизни исчезает. Подобное обращение с человеком разрушает общность людей. Отрицая человеческое начало в другом, мисты тем самым уничтожают его и в себе. Выход за рамки человеческого не приводит к божеству, а лишает человечности, это путь не вверх, а вниз. Неудачная попытка вырваться из этой диалектики и показана в романе.

Выбранный студентами путь ритуального убийства позволяет им приобщиться к Дионису, увидеть его и общаться с ним. Достигнутое таким образом общение с божеством показывает Диониса как кровожадного демона, который в лице своего служителя Морроу провоцирует молодых людей на убийство и дальше ведет их по кровавому пути. Дионисийский экстаз разрушает личность и уничтожает человека не только во время ритуала, но и в целостности всей его жизни.

Идейные инверсии романа усиливаются формальными. Самыми важными формальными инверсиями являются типы жертв и типы убийц. «Заслужившая» свою смерть процентщица и невинная Лизавета превращаются в невинного фермера и шантажиста Коркорана. Убийцей является не одиночка Раскольников, а коллектив студентов. Таким образом, убийство в романе — не индивидуальное, а коллективное предприятие. В течение всего романа Достоевского его главный герой находится в тотальном одиночестве и выход к полноценному общению с другими людьми намечается только

в самом конце, на последних страницах, после осознания его чувства к Соне. В то же время у Тартт изначально действует коллектив, одиночество преодолено и все студенты находят себя в своем мистическом братстве. Более того, один из убийц оказывается способным на своего рода самопожертвование ради своего коллектива. Если у Раскольникова нет никаких рубежей обороны, кроме собственной личности, персонажи Тартт могут проявлять человеческие чувства по отношению друг к другу. Однако эту возможность они не используют, теряют ее в попытке приобщиться к своему божеству. Инцест, групповой секс, убийство — вот какие формы принимает общение в рамках коллектива, который призван послужить человеку опорой в момент принятия сложного решения.

Еще один сюжетный ход инвертирован в романе, а именно воссоединение Раскольникова и Сони в финале книги Достоевского. Любовь друг к другу спасает обоих, и именно через любовь к Соне Раскольников возвращается к жизни и человеческому обществу. В романе Тартт рассказчик Ричард делает в финале предложение Камилле, но девушка ему отказывает. Последние двое уцелевших героев, не до конца разрушившие свою жизнь, могли бы соединиться и спастись вместе, но это решение Достоевского американская писательница сознательно отвергает, поскольку без покаяния оно не сработает. Тем самым только подчеркивается безысходность ситуации.

Итак, коллективность героя позволяет писательнице углубить перспективу и показать, как сокровища человеческого общения, которого так не хватает Раскольникову, могут быть разрушены самими же людьми в их стремлении прорваться к сверхчеловеку. Также немаловажной является еще одна возможность, которую позволяет реализовать коллективность главного героя: это объединение разных вариантов саморазрушения в рамках единого сюжета. Таким образом, трагичность ситуации углубляется, поскольку, изначально имея больше культурных и человеческих ресурсов для преодоления разрушительных идей и сохранения человеческих связей друг с другом, американские студенты теряют их все.

Таким образом, обратившись к тематике Достоевского, американская писательница Донна Тартт воссоздала в «Тайной истории» основные сюжетные коллизии «Преступления и наказания». В книге Тартт инвертированы важные идеи и топосы романа, а также сюжетные моменты и типы героев. В результате автору удается показать в рамках одного сюжета несколько вариантов развития событий

там, где Достоевский показывает только один в лице Раскольникова. Стремление выйти за рамки человеческого с помощью древних ритуалов Диониса приводит студентов к разрушению всех возможностей сохранить человеческое общение, как в рамках своего небольшого коллектива, так и вовне микро-сообщества. Попытка одиночки Раскольникова решить на собственном опыте вопрос о допустимости убийства, исходя из собственных идей, превращается в американском романе в общение студентов с преподавателем Морроу, проповедующим сверхчеловека. Раскольников сам пришел к своим идеям и сам же должен их разрешить, студенты же не обязаны соглашаться с Морроу, у них есть возможность отвергнуть его взгляды и сохранить себя, однако они эту возможность упускают. Так в роман входят параллели с еще одним романом Достоевского — с «Братьями Карамазовыми», где роль Ивана играет Морроу, а его студенты — роль коллективного Смердякова, что может стать предметом будущих исследований.

Список литературы

1. Анцыферова, 2015 — *Анцыферова О.Ю.* Античный код в университетском романе Донны Тартт «Тайная история» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 22–27.
2. Белогорцев, 2016 — *Белогорцев В.Н.* Ф.М. Достоевский и Ф. Ницше о человеке и его сущности / В.Н. Белогорцев, Е.Ю. Положенкова, Г.И. Могилевская, П.А. Пономарев // Гуманитарий юга России. 2016. Т. 18. № 2. С. 150–159.
3. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
4. Иванов, 1994 — *Иванов Вяч. Вс.* Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 350 с.
5. Ишимбаева, 2016 — *Ишимбаева Г.Г.* Диалектика приятия-отрицания идей Ницше в романе Д. Тартт «Тайная история» // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология. 2016. № 3. С. 78–83.
6. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
7. Качеев, 2021 — *Качеев Д.А., Колчигин С.Ю.* Между ангелом и бесом: «проклятые вопросы» Достоевского // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 3. С. 159–171. DOI 10.17323/2587-8719-2021-3-159-171.
8. Назирова, 2016 — *Назирова Э.И.* Интертекстуальность романа Донны Тартт «Тайная история» // Язык. Культура. Коммуникация. № 1. 2016. URL: https://journals.susu.ru/lcc/article/view/375/477 (дата обращения: 01.08.2022).

9. Шалимова, 2021 – *Шалимова Н.С.* Рецепция античной культуры в романе Д. Тартт «Тайная история» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 2. С. 344–349.

10. Шестов, 2016 – *Шестов Л.И.* Достоевский и Ницше. Апофеоз беспочвенности. М.: Азбука, 2016. 384 с.

11. Tartt, 1992 – *Tartt D.* The Secret History. New-York: Knopf, 1992, 523, [6] p.

References

1. Antsyferova, O.Iu. “Antichnyi kod v universitetskom romane Donny Tartt ‘Tainaia istoriia’” [“The Ancient Code in Donna Tartt’s University Novel *The Secret History*”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 2 (2), 2015, pp. 22–27. (In Russ.)

2. Belogortsev, V.N. “F.M. Dostoevskii i F. Nitsshe o cheloveke i ego sushchnosti” [“F.M. Dostoevsky and F. Nietzsche about Man and His Essence”]. Belogortsev, V.N., Polozhenkova, E.Iu., et al. *Gumanitarii iuga Rossii* [*Humanities Scholars in South Russia*], vol. 18, no. 2, 2016, pp. 150–159. (In Russ.)

3. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

4. Ivanov, Viach. Vs. *Dionis i pradionisiistvo* [*Dionysus and Pradionisism*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1994. 350 p. (In Russ.)

5. Ishimbaeva, G.G. “Dialektika priiatiia-otritsaniia idei Nitsshe v romane D. Tartt ‘Tainaia istoriia’” [“Dialectics of Acceptance-Denial of Nietzsche’s Ideas in D. Tartt’s Novel *The Secret History*”]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia. Pedagogika. Filologiia*, no. 3, 2016, pp. 78–83. (In Russ.)

6. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyi obraz v proizvedeniiakh Dostoevskogo* [*The Sacred in the Ordinary: the Two-Folded Image in the Works of F.M. Dostoevsky*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)

7. Kacheev, D.A., and Kolchigin, S.Iu. “Mezhdu angelom i besom: ‘prokliatye voprosy’ Dostoevskogo” [“Between Angel and Demon: Dostoevsky’s ‘Cursed Questions’”]. *Filosofiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, vol. 5, no 3, 2021, pp. 159–171. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/2587-8719-2021-3-159-171

8. Nazirova, E.I. “Intertekstual’nost’ romana Donny Tartt ‘Tainaia istoriia’” [“The Intertextuality of Donna Tartt’s Novel *The Secret History*”]. *Iazyk. Kul’tura. Kommunikatsiia*, no. 1, 2016. URL: https://journals.susu.ru/lcc/article/view/375/477/ Accessed 1 Aug. 2022. (In Russ.)

9. Shalimova, N.S. “Receptsiia antichnoi kul’tury v romane D. Tartt ‘Tainaia istoriia’” [“The Reception of Ancient Culture in D. Tartt’s Novel *The Secret History*”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 14, issue 2, 2021, pp. 344–349. (In Russ.)

10. Shestov, L.I. *Dostoevskii i Nitsshe. Apofeoz bespochvennosti* [*Dostoevsky and Nietzsche. The Apotheosis of Groundlessness*]. Moscow, Azbuka Publ., 2016. 384 p. (In Russ.)

11. Tartt, D. *The Secret History*. New-York, Knopf Publ., 1992. 523 [6] p. (In English)

Статья поступила в редакцию: 23.06.2022
Одобрена после рецензирования: 10.07.2022
Принята к публикации: 05.08.2022
Дата публикации: 25.09.2022

The article was submitted: 23 June 2022
Approved after reviewing: 10 July 2022
Accepted for publication: 05 Aug. 2022
Date of publication: 25 Sept. 2022